

Татьяна Волкова

КНИЖНЫЙ КУЛЬТУРНЫЙ ЦЕНТР НА НИЗОВОЙ ПЕЧОРЕ В XVIII-XIX ВВ.

Русский Север, сохранивший до наших дней уникальные памятники искусства и литературы прошлых эпох, в последнее время начинает рассматриваться как единый памятник народной культуры, требующий всестороннего и тщательного изучения¹. Особую задачу при решении этой комплексной проблемы составляет исследование отдельных регионов Севера, на территории которых в прошлом сформировались книжные культурные центры, донесшие до наших дней памятники старинной книжности и письма. К числу таких своеобразных "культурных гнезд"² Русского Севера относится район Низовой Печоры и её притоков - Пижмы и Цильмы, в настоящее время составляющий Усть-Цилемский район Коми АССР.

Низовая Печора в археографическом отношении начала изучаться еще в конце XIX - начале XX вв. Сведения о бытовании у населения рукописной и старопечатной книги приводят известные путешественники по Печорскому краю: С. В. Максимов, Ф. М. Истомин, Н. Е. Ончуков, А. Н. Новосильцер и др.³ Выдающуюся роль в изучении усть-

¹ Д. С. Лихачев, В. Л. Янин, Русский Север как памятник отечественной и мировой культуры, "Коммунист" 1988, № 1, с. 115-119; Октябрь и северное крестьянство. Тезисы докладов и сообщений к научно-практической конференции. Вологда, 16-17 октября 1987 г., Вологда 1987, с. 40-76.

² См.: В. И. Малышев, Усть-Цилемские рукописные сборники XVI-XIX вв., Сыктывкар 1960 (далее: Усть-Цилемские сборники), с. 41.

³ С. В. Максимов, Собрание сочинений, т. 9, Санкт-Петербург б. г., ч. 1-2, с. 342; Ф. М. Истомин, Поездка в Печорский край летом 1889 года, "Известия Русского географического общества", т. 26, Санкт-Петербург 1890, вып. 2, с. 142-170; е го ж е, Предварительный отчет о поездке в Печорский край летом 1890 г., там же, вып. 6, с. 432-459; Н. Е. Ончуков, Печорская старина (рукописи и церковные архивы на Низовой Печоре),

-цилемской книжности сыграли экспедиции на Печору и исследования советского ученого, знатока древнерусской рукописной книги В. И. Малышева⁴, основавшего Усть-Цилемское собрание ИРЛИ (Пушкинского Дома) АН СССР. Работы В. И. Малышева и прежде всего его книга "Усть-Цилемские рукописные сборники XI-XX вв." показали, что на территории Низовой Печоры в XVIII-XIX вв. в среде местного крестьянства развивалась устойчивая рукописная традиция, свидетельствующая о незаурядных способностях её носителей⁵.

Поиски рукописных и старопечатных книг на Печоре в 60-е - 70-е годы продолжили ученики и последователи В. И. Малышева: научные сотрудники Пушкинского Дома А. М. Панченко, Г. В. Маркелов, доцент ЛГУ Н. С. Демкова⁶. С 1976 г. планомерную поисковую работу в Усть-Цилемском районе ведут филологи Сыктывкарского университета⁷.

Находки, сделанные в Усть-Цилемском районе ленинградскими и сыктывкарскими археографами, в совокупности составляющие около полутора тысяч рукописных и старопечатных книг и рассредоточенные сейчас по нескольким хранилищам⁸, дают представление о том книжном фонде, которым активно пользовалось печорское крестьянство на протяжении трех последних столетий, характеризуют круг чтения демократического печорского читателя, его художественные вкусы, приемы переплетения и реставрации старинной книги. Проследим, опираясь на названные выше исследования, основные этапы формирования

ИОРЯС, т. 10, Санкт-Петербург 1905, кн. 2, с. 339-363; кн. 3, с. 210-238; А. Н. Н о в о с и л ь ц е в, На низовьях Печоры, "Известия Русского географического общества", т. 37, Санкт-Петербург 1901, вып. 2, с. 132-155.

⁴ См. отчеты В. И. Малышева о его поездках на Печору в ТОДРЛ (тт. IV, VII, XI, XII, XV, XVI, XX, XXIV).

⁵ Усть-Цилемские сборники, с. 41.

⁶ См. Отчеты об их экспедициях в ТОДРЛ (тт. XVII, XXVII, XXIX, XXX).

⁷ Т. Ф. В о л к о в а, Отчет об археографической экспедиции в Усть-Цилемский район Коми АССР, ТОДРЛ, т. XXXIV, Ленинград 1979, с. 375-376.

⁸ Самая большая коллекция усть-цилемских рукописей составляет два собрания ИРЛИ АН СССР - Усть-Цилемское и Усть-Цилемское Новое, часть Печорских рукописей хранится в фондах БАН СССР в составе собрания рукописей Н. Е. Ончукова и в фонде текущих поступлений в научной библиотеке им. М. Горького Ленинградского университета; два Усть-Цилемских собрания - рукописных и кириллических книг - имеются в фондах научной библиотеки Сыктывкарского университета; имеются рукописи и старопечатные книги с Низовой Печоры в фондах Коми республиканского краеведческого музея и народном музее с. Усть-Цильмы.

книжной культуры Усть-Цилемского края и охарактеризуем основные её черты, используя материалы Древлехранилища ИРЛИ АН СССР им. В. И. Малышева, научной библиотеки Сыктывкарского университета и фондов Коми республиканского историко-краеведческого музея.

Истоки книжной культуры Печорского края уходят в далекое прошлое. В середине XVI в., когда выходцами из Новгорода во главе с кречатником Иваном Дмитриевым, по прозвищу Ластка, началось заселение берегов Печоры и было основано село Усть-Цильма⁹, в этот отдаленный северный край вместе с первыми поселенцами начинают стекаться старинные книги - рукописные сборники и печатные, главным образом литургические издания. В XVI - первой половине XVII вв. через Усть-Цильму проходила одна из дорог в Сибирь, поэтому в слободке часто останавливались путешественники, в багаже которых наряду с другим скарбом могли быть и книги, попадавшие в руки усть-цилемов¹⁰.

Важная роль в формировании книжного фонда Низовой Печоры в XVI-XVII вв. принадлежит самому раннему поселению на Нижней Печоре - Пустозерскому острогу, основанному в 1499 г. для сбора ясака с восточных самоедов в Югорской земле¹¹, который с XVII в. становится местом ссылки важных государственных преступников. Здесь накапливались книги, привозимые служилыми людьми - подъячими, рудознатоками, таможенными служащими, пустозерскими воеводами, многие из которых были образованными людьми, многочисленными торговцами из Архангельска, Холмогор, Пинеги, Мезени, Устюга, Соликамска, Новгорода и других мест, приезжавшими в Городок за рыбой, моржовым зубом и пушниной. Через этих лиц жители печорских слободок могли познакомиться со многими старинными сочинениями, напомиравшими рукописные сборники, переписать их для себя¹². В воевод-

⁹ См. публикацию жалованной грамоты Ивану Ластке 1545 г.: Дневник Василия Николаевича Латкина во время путешествия на Печору в 1840 и 1843 годах, "Записки имп. Географического общества"; Санкт-Петербург 1853, кн. 7, ч. 2, с. 139-143. Копия грамоты в настоящее время хранится в ЦГАДА (ф.141, 1626 г., д. № 63, л. 59-60).

¹⁰ Усть-Цилемские сборники, с. 8-9.

¹¹ Н о в о с и л ь ц е в, На низовьях..., с. 134-135; И с т о м и н, Предварительный отчет..., с. 448-449; О. В. О в с я н н и к о в, Возвращение к Пустозерску, "Правда Севера", Архангельск 1987 от 22, 24 и 27 октября.

¹² Усть-Цилемские сборники, с. 7.

ском архиве Пустозерска наряду с документальными материалами хранились и рукописные и старопечатные книги¹³.

Со второй половины XVII в. начинается новый этап колонизации Низовой Печоры, а вместе с тем и новый этап в формировании книжной культуры края, связанный со старообрядческим движением, возникшим вследствие церковной реформы середины XVII в. Почву для укоренения раскола на Нижней Печоре и развития местной рукописно-книжной традиции подготовили знаменитые пустозерские узники - видные деятели раскола во главе с протопопом Аввакумом, в 1667 г. сосланные в Пустозерск. Среди усть-цилемов до наших дней сохранилось народное предание, рассказывающее об остановке, которую сделал неподалеку от Усть-Цильмы отряд, сопровождавший ссыльного Аввакума в Пустозерск, и о встрече Аввакума с жителями слободки, во время которой ссыльный протопоп призывал усть-цилемов крепко держаться старых обрядов¹⁴.

Своей твердостью в вере, проповедями, посланиями, рассылавшимися с помощью пустозерских служилых людей и печорских крестьян во все концы страны, пустозерские узники способствовали росту у местного населения симпатий к расколу, распространению по печорским селам старообрядческой публицистики.

Жестокая казнь Аввакума и его сподвижников в 1682 г. способствовала укоренению раскола на Низовой Печоре. С начала XVIII в. Усть-Цилемский край становится местом, куда с Мезени, Пинеги, Двины, а также из центральных областей России устремляется большой поток перешедших в раскол крестьянских масс, спасавшихся в труднодоступном Печорском крае от преследований властей.

Около 1715 г. в верховьях Пижмы - на Великих Пожнях - выходцами из Карельского старообрядческого центра - Выговского общежительства - мезенцем Парфеном Максимовичем Клокотовым и бывшим соловецким старцем Феофаном был основан старообрядческий скит, под влиянием которого на Низовой Печоре распространяется учение беспоповцев поморского Даниловского толка¹⁵. В середине XVIII в.

¹³ Описание предметов Пустозерского острога 1670 года, [в:] Сборник старинных бумаг, хранящихся в музее П. И. Шукина, Москва 1897, ч. 3, с. 105-107.

¹⁴ В. И. М а л ы ш е в, Усть-Цилемское предание об Аввакуме, ТОДРЛ, т. VI, Москва-Ленинград 1948, с. 372-375.

¹⁵ Сведения об основателях сита извлекаются из дух подлинных документов

старообрядческий - омелинский - скит поморского типа возникает и на Цильме¹⁶.

С открытием старообрядческих скитов на Пижме и Цильме начинается новый этап в развитии книжной культуры Низовой Печоры. Великопоженское и Омелинское общежительства становятся центрами переписывания и собирания рукописной и старопечатной книжности. Они сыграли большую роль в распространении грамотности среди демократического населения Печорского края¹⁷, выполняя функции своеобразных просветительских центров, воспитывавших у усть-цилемских крестьян любовь и уважение к книге. Обитатели Пижемского и Цилемского скитов поддерживали тесную связь с Выголексинским книжным центром, откуда на Печору переправлялись рукописные сборники, переписывавшиеся печорскими грамотеями и распространявшиеся по всему Усть-Цилемскому краю.

Пижемское и Цилемское общежительства просуществовали до середины XIX в.: Великопоженский скит - до 1851 г., Омелинский - до 1844 г. О деятельности последнего почти не сохранилось документальных известий, в то время как драматическая судьба Пижемского монастыря нашла отражение в целом ряде документов¹⁸ и местной печорской повести¹⁹, освещающей трагические события 1743 г., когда обитатели скита - свыше 70 человек - предали себя огню, не пожелав отдаться в руки "гонителей" старой веры - карательной экспедиции архангельского архиепископа Варсонофия. Однако оставшиеся в живых великопоженцы после "гари" возобновили скит. В 1825 г. он стал жертвой пожара, уничтожившего все строения. Тем не менее на месте пожара вновь возникли монастырские кельи. К 1831 г. население скита составляло 85 человек²⁰. В 40-е годы монастырь приходит в упадок. После закрытия скита всё его имущество, в том числе кни-

XVIII в.: ЦГИАЛ, ф. 796 (Синод), оп. 28, № 79 и ИГАДА, ф. 248 (Сенат), кн. 800, д. № 54, л. 1350-1381 (пересказ см.: Усть-Цилемские сборники, с. 168-169).

¹⁶ Арханг. обл. госуд. архив, ф. 29, оп. 3, д. № 1063, л. 25; ф. 4, оп. 11, д. № 348, л. 42-44 (см. также Усть-Цилемские сборники, с. 11).

¹⁷ В. И. М а л ы ш е в, Пижемская рукописная старина (отчет о командировке 1955 года), ТОДРЛ. т. XII, Москва-Ленинград 1956. с. 469.

¹⁸ См. выше примеч. 15. Пересказ этих документов см.: Г. Есипов, Самосожигатели, "Отечественные записки", Санкт-Петербург 1863, № 2, с. 620-627.

¹⁹ Издание текста "Повести" о самосожжении в Мезенском уезде в 1743-1744 гг. см.: Усть-Цилемские сборники, с. 168-177.

²⁰ ЦГИАЛ, ф. 796, оп. 112, д. 702, л. 12.

ги и иконы, было вывезено в Усть-Цильму. На месте разоренного скита появилась деревня Скитская, существующая до сих пор.

В XIX в., после закрытия старообрядческих скитов, приток книг на Печору значительно уменьшился, в то время как потребность в них постоянно возрастала. Это вызвало бурное развитие местной печорской рукописной традиции. Во второй половине XIX в. на Печоре появляются свои талантливые переписчики и редакторы древнерусских литературных повестей, переплетчики, художники. Наиболее известен среди них Иван Степанович Мяндин. Сведения о его жизни и литературной работе были собраны В. И. Малышевым²¹. Мать И. С. Мяндина Ирина Васильевна содержала в Усть-Цильме молельню, закрытую властями в 1847 г., отец - Степан Никифорович Еремин - был одним из главных печорских наставников и за свою деятельность по распространению старообрядчества был выслан из Усть-Цильмы. Книгописная деятельность И. С. Мяндина во второй половине XIX в. получила широкий размах: он переписывал рукописи для себя и на заказ, переплетал и реставрировал книги. И. С. Мяндин выработал свой особый полууставной почерк, характерными чертами которого были острые оконечности букв и своеобразный наклон влево, положив в основу его монастырский великопоженский полуустав и поморское выговское книжное письмо.

Однако И. С. Мяндин был не только плодовитым переписчиком готовых текстов, но и редактором старинных русских литературных произведений. Как предполагают исследователи, именно им были переработаны повести *О царице и львице*, *О царевне Персике*, *О гордом царе Аггее* и ряд других произведений²². Работая над привлеченными его внимание повестями, И. С. Мяндин "сокращал длинноты, опрощал язык и стиль, делал их более понятными и доходчивыми. С этой целью он вносил местные печорские особенности в произведения,

²¹ В. И. М а л ы ш е в, Усть-Цилемский книгописец и писатель XIX в. И. С. Мяндин, [в:] Древнерусская книжность (По материалам Пушкинского дома), Ленинград 1985, с. 323-337.

²² В. И. М а л ы ш е в, Усть-Цилемская обработка Повести о царевне Персике, [в:] Исследования и материалы по древнерусской литературе, Москва 1961, с. 326-337; Е. К. Р о м о д а н о в с к а я, Повесть о гордом царе в рукописной традиции XVII-XIX вв., Новосибирск 1985, с. 216-226; Т. Ф. Ч а л к о в а, Повесть о царице и львице в обработке И. С. Мяндина, [в:] Литература и классовая борьба эпохи позднего феодализма в России, Новосибирск 1987, с. 234-249.

усиливал в них роль простого народа [...]»²³. Переписанные И. С. Мяндиным рукописи до сих пор читаются усть-цилемами и составляют важную часть экспедиционных находок археографов. Рукописное наследие этого крестьянского писателя еще ждет своих исследователей: предстоит сложная работа по выявлению его автографов как в ленинградских, так и в сыктывкарских собраниях, отделения их от рукописей, переписанных другими печорскими писцами, подражавшими почерку Мяндина.

Помимо повестей на Печоре в XIX в. переработке подвергались и произведения других жанров, популярных в старообрядческой среде: жития (например, Житие Корнилия Выговского), духовные стихи (такие, как стих "О семи дочерях антихриста"), слова, прежде всего эсхатологической тематики ("Слово плачевное о последнем времени", "Слово об антихристе", "Слово об искушенном отшельнике"), сочинения исторического характера (Хронограф, Троянская история). Для всех этих переработок характерно активное отношение редакторов к материалу, поновление языка, внесение в сюжет новых черт, отражающих новые условия жизни, сокращение описаний и подробностей. Печорских книжников привлекали проблемы человеческой морали, семейных отношений, супружеской верности, философские вопросы духовного самосовершенствования человека. В редактируемых переводных и оригинальных русских повестях они по-своему раскрывали тему царской власти, рисовали образ царя, связанного с народом и обращававшегося к нему за советом²⁴.

Многие из известных печорских переработок еще до конца не исследованы. Весь этот оригинальный материал нуждается во всестороннем исследовании как единый комплекс местной печорской литературы.

Старообрядческая в основе своей культура печорцев во многом определила характер и содержание местной письменности. Большое место занимают в ней, как показывает исследование В. И. Мальшева об усть-цилемских рукописных сборниках, сочинения старообрядческих

²³ В. И. М а л ы ш е в, Усть-Цилемский книгописец и писатель XIX в. И. С. Мяндин, с. 325.

²⁴ См. подробнее исследования, посвященные усть-цилемским переработкам. Наиболее полная их библиография приведена в статье Т. Ф. Чалковой Повесть о царице и львице в обработке И. С. Мяндина, с. 234, примеч. 3.

писателей XVII в. — Аввакума, дьякона Федора, попа Лазаря, Спиридона Потемкина, Герасима Фирсова и другие сочинения безымянных писателей XVIII в. о зачинателях старообрядчества, а также произведения выговских писателей почти всех жанров, в которых пробовали свои литературные силы поморцы. На Печоре переписывались их послания, слова, поучения, повести, жития. В составе усть-цилемской рукописной книжности дошли автографы выговских писателей, а также старшие списки их сочинений. Большой популярностью на Низовой Печоре пользовались короткие старообрядческие поучения нравственно-этического характера, из которых усть-цилемы сформировали целые сборники назидательного характера.

Эти произведения показывают творческие возможности русского крестьянства, активно освоившего древние традиции, поставившего их на службу иным специфическим задачам. Именно эти памятники открывают для нас ранее почти не известные пласты демократической, как правило, оппозиционной народной культуры XVIII–XIX вв.

Широко распространены на Печоре были и переработки народно-сказочных сюжетов, сборники кратких изречений типа Пчелы, выписки из разных летописцев, хронографов, Степенной книги, разрядных книг, сочинения, отражающие историю антифеодальных еретических движений на Руси, духовные стихи самой разнообразной тематики.

Большой интерес крестьяне Низовой Печоры проявляли к церковно-историческим и апокрифическим сочинениям, к переводной религиозно-дидактической литературе: часто делали выписки из Великого Зеркала, Звезды Пресветлой, Скитского патерика, Измарагда, Златоструя, Торжественника и других четких сборников²⁵.

Как видно из обзора жанров печорской книжности, литературные интересы крестьян Усть-Цильмы были широки и разнообразны. Этот разножанровый литературно-публицистический материал еще во многом не исследован. Обобщающий труд В. И. Мальшева ждет своего продолжения.

Особый интерес для изучения духовной культуры и истории Печорского края, его связей с другими культурными центрами Севера представляют многочисленные читательские и владельческие записи,

²⁵ Характеристика репертуара усть-цилемской рукописной книжности была дана В. И. Мальшевым в его работе Усть-Цилемские сборники, с. 32–39.

которые сохранились на печорских рукописных и старопечатных книгах. Они донесли до нас имена тех давно ушедших из жизни людей, которые в этом северном глухом краю любили и берегли книгу, внимательно вчитывались в текст "душеполезных" повестей, исторических и философских сочинений Древней Руси, находя в них мудрые советы и изречения, коллизии, волнующие аналогиями к их собственной жизни.

Приведем текст нескольких записей, оставленных усть-цилемами на книгах, приобретенных археографами Сыктывкарского университета. В сборнике конца XVIII в. (У-Ц собр. 96) сохранилась запись: "Читал сию книжицу Иван Кисляков" (л. 5); в другом сборнике конца XVII в. (У-Ц собр. 19) на л. 284 об. читаем: "Сию книгу случилось посмотреть устьцилемскому крестьянину Прокопию Евлампиеву Чупрову в своем доме 1863 года, апреля 20-го"; на Житии Василия Нового начала XIX в. (У-Ц собр. 33) другой крестьянин приписал: "Книга очень полезная читать, людям толковать Иван Михайлов Вокуев руку приложил в 1882 году 12 апреля". Эта традиция держится в Усть-Цильме до наших дней, и на книгах, приобретенных в последних экспедициях, мы находим аналогичные записи усть-цилемов второй половины XX века: "Всю сию книгу читала Чупрова Лукерья Васильевна 1952 года ноября 24-го дня"; "Сию книгу Евангелие прочел Анисим Кирилов до убрусу, март 1981", "Сию книгу читала Попова Зинаида Николаевна 1982 год, январь" (У-Ц, собр. 63).

Среди читательских и владельческих записей на усть-цилемских книгах фонда научной библиотеки СГУ встречаются и такие, которые сделаны известными печорскими книжниками, владельцами крупных книжных собраний, сведения о которых приводит В. И. Мальшев в своем исследовании. Например, приобретенное в 1981 г. рукописное житие Василия Нового (начала XIX в.) в разное время принадлежало трем таким книжникам: И. М. Вокуеву, Ивану и Прокопию Чупровым (У-Ц, собр. 33). Один из них обратился к этой книге еще в отроческом возрасте, о чем свидетельствует запись на форзаце: "Читал мальчик Прокопий Чупров". Запись Прокопия Чупрова имеется и на другой книге на собрания СГУ - рукописном сборнике конца XVIII - начала XIX вв., содержащем Житие Марии Египетской, выписки из Устава и общей минеи (У-Ц, собр. 19). Называется в записях и ряд имен менее известных или пока еще совсем незнакомых по научным публикациям и печатным описаниям. Например, из надписи на печатной

псалтыри начала XX в. мы узнаем, что её владелец - М. А. Ситников в 1904 г. был на старообрядческом съезде в Нижнем Новгороде, а в 1906 г. - в Москве на соборе старообрядцев при Рогожском кладбище. По-видимому, он имел значительное книжное собрание, о чем свидетельствует особая печать, имеющаяся на псалтыри. Однако никаких сведений об этом книжнике не сохранилось.

Для изучения истории печорских крестьянских родов важное значение имеют многочисленные записи поминального характера, имеющиеся на многих книгах усть-цилемского происхождения. Так, например, в сборнике XIX в. (У-Ц, собр. 131 СГУ) имеется 33 записи, называющие имена усть-цилемских крестьян, в том числе из старейшего печорского рода Мяндиных. Поминальные записи на сборнике № 8 из того же собрания донесли до нас деревенские прозвища ряда усть-цилемских семей: "23-го Алексею Выбкиных память..." (л. 2 об.), "Андрею Матросковых умер память 1925" (л. 14 об.), "1925 года Настасьи Лавкиных... память" (л. 18), "1924-го 7-го Григорию... память Феклиных" (л. 18).

Нередко на полях постоянно читаемой книги пижемские и печорские рыбаки фиксировали время разлива рек, вскрытия их ото льда. Так, например, на л. 284 об. сборника № 19 из Усть-Цилемского собрания СГУ приписано: "Печора открылась льдом апреля 18 на 19 день 1863 год", на л. 100 Месяцеслова XIX в. (У-Ц собр. 131); "Мая 3 Печора пошла". Традицию фенологических заметок Усть-цилемы продолжают и в наши дни. Так, например, на Прологе конца XVIII в. из фонда Коми республиканского краеведческого музея среди прочих читательских записей есть и такая: "1941 года река шла 7 мая по-старому, по-новому - 20".

Иногда любознательные усть-цилемы записывали на полях своих книг "для памяти" заинтересовавшие их факты из области истории или культуры. Так, например, в сборнике старообрядческих сочинений нач. XIX в. из фонда СГУ (У-Ц собр. 36) на л. 7 об. приписано: "Разделение России на губернии в 1708 году", на л. 8: "Первые книги начали печатать при князе Василии Ивановиче, отце Ивана Васильевича Грозного". Дальнейшее исследование маргиналий на печорских книгах может дать интересный и важный материал для характеристики читательских вкусов усть-цилемов и выявления новых имен печорских грамотеев и любознательных читателей.

В заключение остановимся на вопросе о современном состоянии

рукописной традиции на Печоре. В начале XX в. в её развитии наступает перелом - переписывание книг в усть-цилемских селах начинает угасать, что во многом было обусловлено появлением здесь большого количества печатной старообрядческой продукции, которая быстро вытеснила из крестьянского обихода многие рукописные книги. Объем работы местных переписчиков значительно сократился, уменьшилось и число людей, ранее занимавшихся переписыванием рукописей²⁶.

Последним по времени печорским переписчиком следовавшим в своей работе традициям древнерусского книжного дела, был С. А. Носов - потомок основателя д. Загрявочной Александра (по имени которого раньше называлось Алексаевской это пижемское село) - скончавшийся несколько лет назад. Имя С. А. Носова упомянуто в исследовании В. И. Малышева среди других пижемских переписчиков²⁷. Были знакомы с ним и сыктывкарские археографы. После смерти С. А. Носова экспедиция СГУ 1983 г. приобрела часть его архива. Рукописные сборники, составленные и переписанные С. А. Носовым, до сих пор передаются из рук в руки по селам Низовой Печоры. Несколько из них удалось приобрести и нам.

С. А. Носов выполнял практически все виды работ, связанных с оформлением рукописи - от их переписывания до реставрации, а также пытался писать сам, ориентируясь при этом на такие традиционные жанры древнерусской литературы, как житие и видение. По словам самого С. А. Носова, им было составлено 22 сборника, в которые, помимо выписок из различных древнерусских книг, он включал и собственные сочинения.

Приобретенный нами архив печорского книжника XX в. содержит помимо писем от старообрядцев из разных уголков обширного Печорского края многочисленные выписки и заметки разнообразного характера: о ветхозаветных и евангельских событиях, о вселенских соборах, записи эсхатологического и морально-этического характера (о возможности второго брака, о смирении, о добре и зле, о пьянстве), выписки о наиболее важных событиях русской истории, а также современных событиях, заинтересовавших С. А. Носова. (Инте-

²⁶ Там же, с. 22.

²⁷ Там же, с. 28.

ресно, что среди них он отметил и заседание, посвященное столетию I издания Жития протопопа Аввакума, состоявшееся в 1960 г. в Пушкинском Доме).

В составе архива С. А. Носова дошли и фрагменты его автобиографии. Она написана по модели, созданной в житийной литературе. Автор ставит перед собой задачу внушить читателям на примере своей жизни мысль о необходимости духовного совершенствования. Примером для подражания С. А. Носов избирает протопопа Аввакума и пижемских старцев, сгоревших в Великопоженском ските, но не изменивших своим убеждениям²⁸.

Рукописное наследие С. А. Носова в большей своей части еще не попало в руки исследователей, т. к. продолжает активную жизнь в среде современных печорских любителей старинной письменности. Сочинения С. А. Носова представляют интерес прежде всего потому, что являют собой, быть может, последний всплеск своеобразной крестьянской литературы в этом районе.

В наши дни Усть-Цильма продолжает оставаться хранительницей книжного наследия прошлых веков. В целом ряде домов этого большого старинного села до сих пор хранятся библиотеки кириллических книг, формировавшиеся несколькими поколениями печорских крестьян. Одна из самых значительных и интересных печорских коллекций XX в. принадлежала известному по всей Низовой Печоре знатоку старинной книги С. Н. Антонову, пижемскому охотнику и рыбаку из д. Скитской. В 50-60-е годы с ним неоднократно встречался В. И. Мальшев, получивший от Сидора Ниловича Антонова в дар Пушкинскому Дому целый ряд ценных рукописных книг, в том числе список Жития Аввакума, Пролог XVI в., местный пижемский синодик, список книг библиотеки Великопоженского скита, список Истории о взятии Соловецкого монастыря, сборники духовных стихов в целый ряд других литературных памятников и литургических текстов²⁹. В архиве В. И. Мальшева сохранились письма к нему С. Н. Антонова, свидетельствующие о

²⁸ Материалы об архиве С. А. Носова впервые были охарактеризованы М. В. Мелиховым в докладе "Археографическая работа Сыктывкарского университета в Усть-Цилемском районе Коми АССР", прочитанном на "Вторых археографических Чтениях" в Уральском государственном университете в Свердловске в 1984 г.

²⁹ В. И. М а л ы ш е в, Отчет о командировке на Печору в 1966 г., ТОДРЛ, т. 15, Москва-Ленинград 1968, с. 398.

том, с каким пониманием и заинтересованностью относился пижемский крестьянин к собирательской работе ученого-археографа, о его стремлении помочь В. И. Малышеву в поисках ценных рукописей³⁰. В 70-е годы С. Н. Антонов передавал книги в Древлехранилище ИРЛИ ученикам и коллегам В. И. Малышева. Знакомство сыктывкарских археографов с Сидором Ниловичем произошло в 1977 г. В свои без малого 90 лет он был еще бодр, много читал, любил комментировать прочитанное, рассказывать о своем охотничьем помысле и о встречах с Владимиром Ивановичем. Незадолго до смерти С. Н. Антонова, осенью 1985 г. основная часть его книжного собрания – 28 рукописных и печатных кириллических книг XVII–XX вв. была приобретена у него Коми республиканским краеведческим музеем. Остатки этой коллекции летом 1986 г. были переданы наследниками С. Н. Антонова археографической экспедиции Сыктывкарского университета.

Среди рукописей, в последние годы хранившихся у С. Н. Антонова, наибольшую группу составляют поздние богослужебные сборники XIX–XX вв., содержащие тексты, прежде всего необходимые в повседневном старообрядческом обиходе. Несколько рукописных книг реставрировано и частично переписано И. С. Мяндиным. Большой интерес представляет пижемский синодик, дополненный позднейшими поминальными записями. Среди кириллических книг в коллекции С. Н. Антонова в основном представлены поздние старообрядческие издания конца XIX – начала XX вв. Почаевской и Единоверческой типографий (Златоуст, Пролог, Зонарь, Каноник и др.), имеются два издания XVII в. – Московский апостол 1634 г. и Октоих, изданный в 1618 г. известным печатником Никитой Фофановым³¹.

Наряду с пожилыми усть-цилемцами старинную книгу в Усть-Цильме сейчас бережно хранят и молодежь, и люди среднего поколения. Она не превратилась здесь в музейный экспонат: её читают и перечитывают во многих семьях люди разных поколений. И хотя рукописная традиция на Печоре прервалась к 70-м годам нашего века, не прервалась духовная связь современных усть-цилемских крестьян с их пытливыми, любознательными предками, любившими и ценившими книгу.

³⁰ О переписке В. И. Малышева с усть-цилемскими крестьянами впервые сообщал на "Малышевских чтениях" 1979 г. в ИРЛИ АН СССР Г. В. Маркелов.

³¹ Т. Ф. Волкова, Пижемский книжник Сидор Нилович Антонов, [в:] Устные и письменные традиции в духовной культуре Севера, Сыктывкар 1990, с. 38–42.

Tatiana Wołkova

OŚRODEK KULTURY LITERACKIEJ W DOLNYM BIEGU PECZORY
W XVIII-XIX W.

Na podstawie analizy ksiąg rękopiśmiennych i starodruków powstałych w rejonie miejscowości Ust'-Cylma bądź przywiezionych tam z innych terenów autorka prezentuje oryginalną kulturę literacką rosyjskiej ludności zamieszkującej od XVI w. tę część Syberii. Na jej formie zaważyło w sposób decydujący opowiadanie się mieszkańców Ust'-Cylmy i okolic po stronie starego obrzędu. Kultywując wiarę ojców, kniżnicy znad Peczory stworzyli oryginalne parafrazy dawnych tekstów ruskich i nowe utwory utrzymane w starym, nieskażonym przez reformy prawosławia, stylu, wypracowali własny styl pisma i technikę ilustrowania oraz oprawiania książek rękopiśmiennych. Świadomie odcinając się od nowej wiary i cywilizacji postpiotrowej, zachowali do naszych czasów (bowiem najstarsze pokolenie jeszcze dzisiaj czyta i przepisuje tylko księgi dawne) najistotniejsze wartości Awwakumowego stulecia.